
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Г. В. МАНЗАНОВА

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ АГРАРНЫХ СООБЩЕСТВ

(на примере России)

Введение

Традиции или новации, «патриархальность» или «цивилизованность», российская или западная модель трансформации села – эти вопросы стары, как мир. Об актуальности их постановки свидетельствует значительное количество вышедших в последнее время работ, российских и международных конференций, посвященных им.

Что выбрать: традиции или новации? В зависимости от выбранных точек отсчета возможны разные направления реформ и разные траектории развития России.

В основе поставленных вопросов – различные точки зрения на стратегии развития аграрного сектора России. Теоретические положения одной построены на адаптационной стратегии, сохраняющей исторически сложившиеся хозяйственные традиции и инерцию предшествующего развития на примере трансформации экономики стран Юго-Восточной Азии. В основе другой – использование эволюционной стратегии модернизации и экономического роста на примере стран Западной Европы и США. Если среди приоритетов трансформации социально-экономического развития выбрать традиции и адаптационную стратегию, как, например, в странах Юго-Восточной Азии, то это один путь развития и одни меры социально-экономической политики; если же основываться на но-

вазиях и модернизационном подходе, используя опыт стран Западной Европы и США, то это будет другой путь развития и другая политика. Что выбрать, с каких точек отсчета нужно начать, чтобы обеспечить эффективность перехода аграрного сектора к рынку: развитие традиций или внедрение новаций, – и как сочетать эти две разнонаправленные составляющие реформ?

По мнению З. И. Калугиной, в течение длительного времени занимающейся проблемами становления сельского предпринимательства в России, неготовность российских крестьян к работе в условиях свободного рынка имеет многовековые традиции: «вектор проводимых аграрных реформ не соответствует сложившейся традиционной культуре общества, состоянию общественного сознания, что выражается в противоречии между коллективистским духом значительной части аграрного населения и индивидуальными ценностями, декларируемыми новой экономической политикой» (Калугина 2003: 301). В отличие от других стран Европы в России на протяжении веков сохранялась закрепошенность крестьян и инерционность практик хозяйствования, характеризовавшихся отсутствием традиций частной собственности на землю. С этой точки зрения для анализа перспектив развития различных форм хозяйствования в России особенно показательным является 20-летний опыт аграрных реформ в Польше, где индивидуальное хозяйство крестьян имеет многовековую историю, однако в условиях отсутствия практик самостоятельного выхода на экспортные рынки и неготовности крестьян к кооперации и риску мелкотоварное частное хозяйство может, как показали результаты исследований польских социологов (Новак 1995: 11), стать тормозом к освоению рыночных новаций.

Альтернативное противопоставление существовавших ранее традиционных институтов хозяйствования и современных рыночных реформ оказалось ошибочным. При этом в России, как и в Польше, заплачена слишком высокая цена за процесс перехода к более рациональным с точки зрения классической экономической теории роста формам социально-экономических отношений.

В работе делается попытка на примере ряда стран переходной экономики: России, Польши, Китая, Монголии – сравнить результаты аграрных инноваций в этих странах с точки зрения их экономических и социальных последствий, изменений в мотивации деятельности сельских хозяйств и оценить затем возможные перспективы трансформации аграрных реформ в России.

Традиции и новации в трансформации аграрных сообществ: к теоретической постановке проблемы

Наиболее точно эволюционистский взгляд на традицию выразил известный социолог П. Штомпка. «Под традицией мы будем понимать, – пишет он, – совокупность тех объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но это то, что и можно обнаружить в настоящем, то есть это все то, что не было уничтожено, выброшено или разбито. В данном случае традиция равносильна наследию – тому, что реально сохранилось от прошлого. Любая традиция независимо от ее содержания может сдерживать творчество или новации, предлагая готовые рецепты современных проблем» (Штомпка 1996: 90).

Этот взгляд был широко распространен и среди российских ученых-обществоведов. Россия относится ими к традиционалистскому обществу, в котором все время не удавалось завершить необходимую по опыту западных стран либеральную модернизацию (Ахиезер 1999: 13). На организационные структуры, унаследованные от советского периода, смотрели как на рудимент, который должен был исчезнуть по мере все возрастающей активности вновь созданных инновационных институтов. Институты, существовавшие в экономике в советский период, рассматривались как нечто отмирающее, не способное ни противиться происходящим преобразованиям, ни сосуществовать вместе с ними. В этом смысле два последних десятилетия переходного периода в России дают уникальную возможность для переоценки сложившихся взглядов и концепций.

Проблемы соотношения традиций и новаций в условиях перехода социальных объектов из одного качественного состояния в другое наиболее разработаны зарубежными учеными – представителями

разных наук. Например, Ф. Тэйлором, А. Файодем, Л. Джилльбертом, Э. Мэйо, Д. Морено – исследователями школы научной организации труда и управления производством – были изучены проблемы воздействия проводимых реформ в сфере управления на объект управления с корректирующим учетом изменений, происходящих в последнем. В качестве условия эффективности управления обосновывается необходимость определенного соответствия субъекта управления его объекту. Иначе говоря, речь идет о том, что управляющая система, в частности проводимые рыночные новации, должна отражать всю сложность объекта управления. При внедрении новаций должны учитываться не только профессиональные качества работников, но и экономические и политические факторы, особенности социокультурной среды.

В работах представителей направления социологии организаций: Р. Мертона, Э. Мэйо, У. Френча и Ч. Белла – было выявлено, что при трансформации организационных систем возникает противоречие между инновационными, авангардными для них формами организаций в экономике, с одной стороны, и социокультурными особенностями индивида – с другой. Социокультурные характеристики индивида (трудовая, социальная активность, ценностные ориентации, установки и т. д.) весьма консервативны, сопряжены с многолетними традициями. При трансформации систем скорость внедрения инноваций и сопровождающих их изменений социокультурных характеристик индивидов может быть разной, так как первые меняются быстрее вторых, что приводит к дисфункциям системы и возникновению системных кризисов, что сейчас, по мнению многих исследователей, и происходит в России.

Значительный вклад в исследование инерционности традиций хозяйственной деятельности, закреплённой в соответствующих институтах, внесла институциональная экономика, яркими представителями которой являются Д. Норт, З. Коуз и Р. Фогель. В теории институционального анализа закономерности изменения организаций и регулирующих их деятельность институтов вписаны в соответствующую социально-экономическую среду конкретной социальной системы. Согласно этой теории, институты, регулирующие деятельность агентов рынка, не создаются с нуля. Сформированные

в ходе трансформации определенных природно-климатических, исторических и социально-экономических процессов развития страны, они наследуют от прошлых систем хозяйствования соответствующие правила игры и формируют систему стимулов для выбора той или иной формы организации экономики. В долгосрочной перспективе выбор наиболее адаптированных к данным условиям форм хозяйствования определяет направление траектории экономического развития стран переходной экономики. Д. Норт при помощи анализа действия законодательного акта – Статута северо-западных территорий – дает пример истории земельного вопроса в США как цепи исторически обусловленных последовательных изменений институтов регулирования рынка земли на основе взаимодействия фермерских организаций и аграрных институтов (Норт 1997).

Этот тезис подтверждают и работы Т. Эггертссона – другого крупного представителя институциональной теории. По его мнению, крупные институциональные изменения происходят медленно, так как институты являются результатом изменений в ходе трансформации социально-экономических условий, формирующих индивидуальное поведение и ожидания людей. Он сравнивает социальные модели перехода от одной системы экономики к другой с биологическими и технологическими моделями преобразования различных систем и приходит к выводу, что экономические системы развиваются эволюционным путем, и выбор различных форм хозяйствования, их рыночная эффективность, так же как в биологических и технологических системах, зависит от модели предшествующего развития. Трансформации различных социальных систем рассматриваются с позиций системного анализа: изменения отдельных элементов системы, происходящие под влиянием рыночных новаций, вызывают соответствующие изменения связанных с ними других элементов, что сказывается на результативности функционирования системы в целом (Эггертссон 2001).

Но как воздействуют составляющие реформ на изменение отдельных элементов систем и как эти элементы затем взаимодействуют друг с другом? Чем определяются различия между различными

социальными системами? Как пишет Норт, «если бедные страны бедны потому, что они являются жертвами институциональной структуры, мешающей росту, то вопрос состоит в том, навязана ли эта институциональная структура извне или же детерминирована внутренними факторами, или же является следствием сочетания и того, и другого?» (Норт 1997: 14). Изучение влияния новаций (внешних факторов) на состояние традиций (внутренних факторов) социальной системы может, с нашей точки зрения, дать ответ на этот вопрос.

В период перехода к рынку о проблемах трансформации российской экономики и несовместимости большинства успешно функционирующих на Западе формальных регуляторов экономического поведения с традиционными ориентациями россиян пишут историки, экономисты, культурологи. В частности, отмечается, что институциональные системы российско-советского типа обладают особенно высокой инерционностью, которая делает импорт западных институтов практически невозможным. Т. И. Заславская, анализируя специфику процесса посткоммунистических трансформаций в России, приводит мнения ряда авторов о том, что «...попадая в российскую среду, формально-правовые нормы либерального типа меняются до неузнаваемости... Дело обстоит так, как если бы они подвергались мутации и в результате становились бы неспособными выполнять свое предназначение – служить общезначимым правилам игры» (Заславская 2003: 49).

В своей статье далее Т. И. Заславская приводит мнения ряда авторов и, в частности, Р. И. Капелюшникова, который считает, что «российская экономика не зажила по новым и обязательным для всех правилам, прежде всего, из-за отсутствия эффективных публичных механизмов контроля за соблюдением законов и контрактных установлений. Решение проблемы видится автору в создании или значительном усилении работоспособных механизмов контроля *enforcement a*, то есть принудительного внедрения рыночных институтов в российскую экономику» (цит. по: Заславская 2003: 49).

Принципиально иной взгляд на перспективную траекторию институционального развития России представлен в разработанной О. Э. Бессоновой в 1990-х гг. концепции раздаточной экономики

как иной, отличной от рыночной, альтернативы хозяйственного развития. На большом историческом материале она показала, что на протяжении многих веков (включая начало XX в.) России была свойственна не рыночная, а раздаточная экономика, не менее жизнеспособная, чем рыночная, и имеющая собственные законы развития. С точки зрения О. Э. Бессоновой, неудачи российских экономических реформ обусловлены тем, что декларируемые их авторами цели вступили в противоречие с объективной природой российской хозяйственной системы. «Реформировать советскую экономику, безусловно, необходимо, но цели реформ следует ограничить совершенствованием исторически сложившейся раздаточной экономики, но в формах качественно отличающихся от “планового социализма”» (цит. по: Заславская 2003: 52).

Теоретические посылки, поставленные О. Э. Бессоновой, развиваются дальше в работе С. Г. Кирдиной. Ею проанализированы природные, исторические, хозяйственные условия развития разных стран, обусловившие, по ее мнению, становление различных институтов или исходных социальных конструкций, определяющих природу различных обществ. Она вводит понятие институциональных матриц – «как устойчивой, исторически сложившейся системы базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической, идеологической». Образующие институциональную матрицу базовые институты представляют собой внутреннюю арматуру, устойчивую структуру, «стягивающую» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющее обществу распасться. Различия в содержании базовых институтов различных сообществ характеризуются X- или Y-матрицей, что и определяет разные пути эволюции различных социальных систем (Кирдина 2001).

На наш взгляд, в этих работах сделан важный вывод о том, что условия предшествующего развития определяют дальнейшие пути преобразований социальных систем, а следовательно, и эффективность различных новаций. Но как происходит процесс трансформации этих систем в условиях рыночных преобразований? Как

вливают исходные условия этих матриц на формирование системы стимулов к их изменению и соответственно правил игры на рынке? На какие факторы нужно опереться, чтобы повысить эффективность реформ? Какие элементы новаций наиболее подходят к данному типу матриц? Какова будет скорость и эффективность преобразований? И каким путем идти дальше, какова логика дальнейших реформ, каковы сценарии и прогнозы дальнейших новаций для государств с различными институциональными матрицами?

Представленная автором концепция имеет противоречивый характер: с одной стороны, разработаны основные институциональные парадигмы российского общества, определяющие направления его дальнейшей эволюции; с другой стороны, используя постулаты этой концепции, невозможно предсказать ход и направления дальнейших преобразований в государствах с различными институциональными системами. Как считает Д. Норт, «институты – это разработанные людьми ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие. Все вместе они образуют побудительную структуру обществ и экономик» (Норт 1997: 9). С этих позиций концепция С. Кирдиной не раскрывает главного – стимулов взаимодействия основных акторов рынка и как в этих условиях происходит отбор и встраивание в рыночную экономику институтов, унаследованных от предшествующего периода. По выражению автора, «дан скелет общественного тела», но как будут двигаться и функционировать различные его части в условиях изменения параметров внешней среды, осталось за пределами анализа. На наш взгляд, автор не ответил на основной вопрос: каковы движущие силы и источники изменения социальных систем?

Для ответа, на наш взгляд, наиболее подходит тезис, высказанный Д. Нортом: «Традиции определяют не только непрерывность и преемственность социальных институтов, но и границы инноваций, являясь главным критерием их законности и допустимых в данной этнической общности вариантов социальных изменений» (Норт 1997: 42). Этот тезис, как мы считаем, является основополагающим для дальнейшего развития нашей концепции. Впервые эта точка зрения была высказана Карлом Поланьи, который предлагал рас-

сма­три­вать эконо­ми­ку как встро­ен­ный в кон­текст всей сово­куп­но­сти куль­тур­ных тра­ди­ций и обще­ствен­ных отно­ше­ний инсти­тут. С пози­ций этой кон­цеп­ции успеш­ным при­ме­ром адап­та­ции эконо­миче­ских и техно­логи­че­ских нова­ций к осо­бен­но­стям куль­тур­ной сре­ды яв­ля­ют­ся стра­ны Юго-Вос­точ­ной Азии. Как по­ка­зы­вает опыт пере­хода к рыноч­ным отно­ше­ниям Япо­нии и Юж­ной Ко­реи, тра­ди­ци­он­ные обще­ства и инсти­ту­ты, реор­га­ни­зу­ясь, эффек­тив­но при­спо­саб­ли­ва­ют­ся к ме­ня­ю­щим­ся усло­виям, а тра­ди­ци­он­ные цен­ности в неко­то­рых слу­чаях даже обе­спечива­ют исто­чни­ки легити­ма­ции для дости­же­ния новых це­лей и, в част­но­сти, для легити­ма­ции измене­ний в пра­вах соб­ствен­ности и обе­легче­ния усло­вий для поль­зо­ва­ния ими раз­лич­ным со­циаль­ным груп­пам. Для объ­яс­не­ния этого фено­мена, на наш взгляд, луч­ше всего под­хо­дят слова Де Со­то о том, что «фор­мы по­ве­де­ния, ко­то­рые се­го­дня скло­ны объ­яс­нять куль­тур­ным на­сле­дием, вовсе не пред­став­ля­ют со­бой ре­зуль­тат этни­че­ских или иных осо­бен­но­стей, а име­ют при­чи­ной раз­ум­ную оцен­ку из­дер­жек и вы­год от обра­ще­ния к услу­гам легаль­ной систе­мы соб­ствен­ности» (Де Со­то 2001: 42), то есть суще­ство­вав­ших ран­ее в дан­ной со­циаль­ной об­щности форм хозяй­ство­ва­ния.

Срав­не­ние дина­ми­ки аграр­ных ре­форм и по­ве­де­ния на рынке сель­ских хозяйств в стра­нах с раз­лич­ными ис­ход­ными пара­метрами на началь­ном этапе аграр­ных ре­форм по­зво­лит поэтап­но про­ана­ли­зи­ро­вать влия­ние измене­ния отно­ше­ний соб­ствен­ности в аграр­ном сек­торе на дея­тель­ность сель­ских хозяйств в этих стра­нах, ре­зуль­та­тив­ность схем их вза­имо­дей­ствия, воз­ни­ка­ю­щие при этом трансак­ци­он­ные из­дер­жки и стиму­лы. Для про­ве­де­ния ана­лиза восполь­зу­ем­ся мето­ди­че­скими по­сыл­ками, пред­ло­жен­ными Нор­том: «Для меня пред­став­ля­ется пустым заня­ти­ем искать объ­яс­не­ния раз­личиям в исто­ри­че­ском опы­те раз­ных стран или ны­неш­ним раз­личиям в функ­ци­о­ни­ро­ва­нии передо­вых, центра­ли­зо­ван­но пла­ни­руе­мых и сла­бо­раз­ви­тых стран, не привле­кая основан­ную на ин­сти­ту­тах систе­му стиму­лов, в каче­стве суще­ствен­ного эле­мента этих ис­сле­до­ва­ний» (Норт 1997: 51).

Традиции и новации в трансформации сельских хозяйств на примере опыта аграрных реформ в России и Польше

Эволюционистский взгляд на традицию был положен в основу неоклассической теории экономического роста, концептуальные положения которой были использованы при трансформации экономики стран ЦВЕ и СНГ. Согласно этой концепции, изменение внешних параметров социальных систем, то есть их эндогенных (инновационных) переменных, автоматически приводит к изменению их внутренних параметров, то есть экзогенных (традиционных) характеристик их функционирования.

На начальном этапе преобразований придерживающимися этой теории реформаторами считалось, что указанные в методике Мирового банка инновации заложат фундамент для формирования рыночных структур в аграрной сфере, а конкуренция создаст стимулы к достижению автоматического равновесия между различными элементами организационных структур аграрного рынка (см.: Czaki, Nash 1997: 8). Однако, как уже показал опыт проведенных в странах ЦВЕ и СНГ по этой методике новаций, «в условиях неразвитости рынка земли и законодательства, регулирующего земельные отношения, неопределенности спроса и высоких рисков производства сельскохозяйственной продукции деятельность субъектов рынка была с точки зрения рыночных критериев не всегда рациональной» (Серова 1999: 52). Особенно показателен в этом отношении опыт аграрных реформ в Польше и России, где рыночные преобразования осуществлялись по единой методике, но скорость реформ и результаты аграрных инноваций в этих странах были различны, и особенно они отличались от моделей функционирования экономик западных стран, откуда и было осуществлено заимствование реформ.

В развитии сельского хозяйства этих стран доминировал своеобразный тип экономики сельского хозяйства, сохранивший на протяжении веков свою инерционность: в Польше – частное мелкотоварное сельскохозяйственное производство, в России – общинные формы хозяйствования (модификацией которых в советский период стали колхозы). В 1989 г. в Польше 70 % валовой продукции сельского хозяйства производилось частными се-

мейными фермами, госпредприятиями – 19 % и кооперативами – 4 % (GUS 1994: 141); в России на долю государственного и колхозно-кооперативного сектора приходилось 72 % продукции и 28 % – на долю личного подсобного хозяйства. Мероприятия по реорганизации колхозов в России зашли в тупик, не обеспечив даже фундамента для развития рыночной экономики, а доля фермерских хозяйств на протяжении 15 лет переходного периода оставалась на стартовом уровне 1993 г., не превысив 2 % (см.: Калугина 1999: 342). В Польше в условиях высокой конкуренции на аграрном рынке стран ЕС до сих пор сохранилась раздробленность мелких семейных хозяйств, отсутствуют стимулы к их кооперации и интеграции и формированию инфраструктуры рынка. По оценкам экспертов, за 1990–1995 гг. Польша утратила 2/3 своего рынка с восточноевропейскими странами, в том числе с Россией, Россия потеряла 1/3 своего внутреннего рынка. Анализ многочисленных публикаций польских и российских авторов-экономистов, сторонников теорий экономического роста, и социологов, приверженцев теории модернизации, показывает, что с позиций традиционных концепций объяснить происшедший в этих странах за годы перехода к рынку феномен очень сложно, что подтверждает нашу точку зрения о необходимости их переоценки. Наиболее подходящей для этого является, на наш взгляд, теория институционального анализа, основные положения которого будут применены в нашем исследовании.

По мнению польских исследователей, занимающихся проблемами эффективности аграрных реформ в Польше, сохранение унаследованных с прошлого периода практик семейного хозяйствования – это форма своеобразного страхования польских крестьян от высокой неопределенности рыночной среды и значительных издержек для них, связанных с ее преодолением (Тягостный опыт... 1998: 25). Это приводит к возрастанию патриархальности, снижению конкурентоспособности польских ферм на экспортном рынке, дезориентации крестьян и блокировке на селе дальнейших рыночных новаций. Вследствие этих причин мелкие семейные хозяйства Польши, несмотря на давление конкуренции на аграрном рынке

стран ЕС, до сих пор не могут завершить процессы кооперации и интеграции. В свою очередь, это становится тормозом для формирования инфраструктуры рынка и еще более ограничивает польским крестьянам доступ на рынки стран ЕС. Таким образом, после десятилетних преобразований у польских сельчан, в силу их многовековой отсталости и отсутствия практик кооперативного взаимодействия, так и не сформировались стимулы к внедрению более развитых форм организации труда и социальных технологий.

Многолетние исследования польских социологов свидетельствуют о традиционном консерватизме и малообразованности польских крестьян, их складывающемся исторически индивидуальном характере и трудностях во взаимодействии на рынке (Новак 1995: 32). По данным Агентства рынка труда Польши, 40 % занятых в сельском хозяйстве фермеров в 1994 г. имели только среднее или еще более низкое образование (см.: GUS 1994: 34). В силу отсутствия социальных практик и ориентаций в действиях на рынке пространства стран ЕС польские крестьяне стремятся минимизировать высокие для них риски от невыполнения экспортных контрактов. С этой целью крестьяне используют апробированные в прошлом периоде практики объединения нескольких стадий производства и сбыта в рамках одного хозяйства, что в условиях возрастающих требований в ЕС к параметрам качества, цены и технологий производства делает их неконкурентоспособными на рынках ЕС и способствует сохранению патриархальности. И подобные, нерациональные с точки зрения рынка, практики для польских крестьян, не имеющих ориентаций в рынке и навыков кооперативного партнерства, в создавшихся условиях высокого риска и нестабильности становятся наиболее приемлемыми.

Отсутствие спроса на рыночные институты блокировало продвижение дальнейших новаций. В Польше по сравнению с Россией рынок земельных ресурсов и ипотека существуют давно, однако мелкие сельские хозяйства в ситуации кризиса и недостаточного доступа к рыночной инфраструктуре не имеют стимулов для развития и не могут пользоваться их услугами. По данным Агентства сельскохозяйственной собственности Государственного казначейства Польши, в 1994 г. было продано только 2 % (4 млн га) земель-

ных угодий, предназначенных для продажи, и, несмотря на то что минимальные цены на сельхозугодия сократились с 1994 г. на 50 %, спроса на землю со стороны фермерских хозяйств до сих пор нет. Кризис вызвал отторжение населения от реформ, взрывной рост безработицы и обострение социальных проблем. Общая численность безработных в Польше составила в 1995 г. 1,5 млн человек (GUS 1995: 16). За период реструктуризации аграрного сектора 1989–1995 гг. по расчетам польских экономистов доходы ферм сократились на 60 %, по оценкам Государственного управления статистики Польши – на 45 % (OECD 1995: 132–133).

В России в условиях неразвитости инфраструктуры рынка переход колхозов и совхозов на фермерский тип хозяйствования потерпел полный крах. В силу создавшихся на сельскохозяйственных предприятиях условий интересы крестьян все более переключаются в сферу семейного хозяйствования (ЛПХ), от деятельности которого они получают основной свой доход. Однако при отсутствии развитой инфраструктуры рынка, а также финансовых, материальных, технических ресурсов для развития хозяйств крестьян ЛПХ всецело зависят от поддержки колхоза (колхоз выделяет земельные наделы, снабжает кормами, техникой для обработки земли, семенами и т. д.). Этим и объясняется эффект сохранения колхозов как гарантии стабильности российских крестьян в условиях высокой неопределенности внешней среды. В период перехода к рыночным формам хозяйствования, как и в советский период, функции поддержания социальной сферы села, неимущих и пенсионеров стали выполнять колхозы, обеспечивая тем самым условия выживания сельского социума. Унаследовав все основные черты общинной формы хозяйствования, колхозы продолжили непрерывность традиции и обеспечили поддержание инерционности развития аграрной экономики, чем и объясняется устойчивость их сохранения и в переходный период, несмотря на все рыночные инновации. В силу создавшихся условий владельцы ЛПХ не заинтересованы в организации самостоятельного производства, так как это повлечет за собой отсоединение от источников многих ресурсов, социальных услуг (предоставляемых колхозами), увеличит неопределенность и риск. При отсутствии знаний рынка и доступа к материальным и финан-

совым ресурсам, которыми обладают колхозы, в качестве элемента страховки от возможных в этих условиях рисков владельцы ЛПХ используют хорошо апробированные в советские времена практики использования ресурсов колхоза, но теперь уже на основе взаимовыгодной кооперации. Как показали исследования российских социологов, высокие ориентации российских крестьян на социальную защищенность и патернализм, неготовность к риску и возможным лишениям оказались основным препятствием на пути к рынку.

В проведении аграрных реформ в странах ЦВЕ и СНГ, по нашему мнению, которое поддерживается рядом исследователей, не было учтено то, что фермерство в развитых странах Запада, откуда были импортированы реформы, создавалось веками. Фермеры там имеют солидный капитал, накопленный в течение хозяйствования на этой земле нескольких поколений. «По уровню фондовооруженности труда такие фермы превосходят российские колхозы в 4–5 раз, а по энерговооруженности в 5–6 раз» (Петриков 1998: 12). Конкуренция на рынке вынуждает постоянно совершенствовать технологии, мастерство и повышать квалификацию. «Фермер на Западе в процессе высокотехнологичного производства овладевает 20–25 профессиями, в то время как колхозник в России обучен всего 2–3 профессиям» (Там же). Соответственно производительность труда в сельском хозяйстве США превышает российские показатели, по различным оценкам, в 6–8 раз. В условиях совершенного рынка конкуренция стимулирует спрос на инновационные технологии и формы организации труда. Применение новых технологий вызывает повышение эффективности и сложности труда, что, в свою очередь, приводит к росту профессиональных навыков и увеличивает потенциальные возможности выбора у крестьян. Параллельно с ростом эффективности и качества труда в рамках данного фермерского хозяйства изменяются ориентации сельчан и возникает спрос на новые, более рациональные для изменившихся условий формы организации труда, а это влечет за собой внедрение инновационных технологий.

По мнению исследователей, занимающихся проблемами освоения аграрных реформ в России, взятый курс на сплошную фермеризацию страны идет вразрез с «доминирующими ориентациями

населения на коллективный труд на крупных сельскохозяйственных предприятиях» (Калугина 1999: 307). Проводимые по методике Мирового банка инновации привели к противоположным, в отличие от намеченных, результатам с точки зрения как экономических, так и социальных последствий. По оценкам Россельхозакадемии, по развитию аграрного производства Россия отброшена назад: по поголовью крупного рогатого скота – более чем на четверть века, по продуктивности земель – на 25–30 лет, по технической оснащенности – почти на полвека (Петриков 1998: 18–19).

Де Сото, анализируя забытые, как он считает, уроки истории развития фермерства в странах Запада и США, пишет об изменениях в развитии технологий, взаимодействиях раздробленных индивидуальных хозяйств на рынке, становлении земельных отношений и закреплении прав частной собственности на землю, предметы и продукты труда крестьян как о цепи происходящих в этих странах на протяжении всей вековой истории развития сельского хозяйства изменениях в ориентациях крестьян, их действиях на рынке и законодательстве о правах частной собственности (см.: Де Сото 2001).

В отличие от других стран переходной экономики, в России индивидуальное хозяйствование в течение всего исторического периода развития сельского хозяйства так и не получило развития. В течение нескольких веков в аграрном секторе России доминировала общинная форма хозяйствования, модифицированным вариантом которой в советский период стали колхозы. «В общине хозяйственно-экономическая закабаленность крестьян дополнялась и усугублялась их правовой закрепощенностью, ограничением свободы личности» (Емельянов 2001: 88). Аналогичные формы принуждения крестьян использовались и в колхозах. Решаемые сегодня задачи по предоставлению крестьянам возможностей самостоятельного хозяйствования во многом сходны с теми, которые стояли перед реформами Столыпина, призванными освободить крестьянина от пут, которыми община сковывала их предприимчивость. Как и во времена Столыпина, реформы должны были открыть дорогу развитию других форм собственности и хозяйствования на селе, повысить эффективность аграрного производства, что, в свою очередь,

требовало адекватной трансформации хозяйственного механизма. Однако оказалось, что результаты курса на сплошную фермеризацию были аналогичны результатам реформ Столыпина. Аграрная реформа 1992–1993 гг.: «Успешными предпринимателями стали лишь 2 % из вновь организованных фермерских хозяйств, или 170 тыс. человек, и их численность остается неизменной на протяжении всего периода реформ» (Серова 1999: 27). Реформа 1906–1907 гг.: «Подавляющее число домохозяйств (74 %) на десятом году реформы, а точнее по состоянию на 1 января 1916 г., оставалось в общине... Немало вышедших вновь вернулись в общину» (Холодков 1995: 58).

Примечательно, что как в России, так и в Польше осуществлявшиеся по опыту стран Запада инновации привели к возрождению патриархальной семейной экономики как средству, обеспечивающему выживание крестьянских семей и сохранение сельского социума в условиях неопределенности и хаоса. В отличие от рыночных моделей, цель которых – максимальная эффективность, цель семейной экономики – воспроизводство сельского социума и обеспечение социальной защищенности его членов. Возможно, что эти особенности практик семейного хозяйствования в России не вписались в цели современных рыночных реформ, чем и объясняется полученный эффект их блокировки и возврата к традиционным практикам взаимодействия колхоза и личных семейных хозяйств, обеспечивающим выживание сельского социума.

По прошествии 15 лет реформ становится очевидным, что предложенные инновации, во-первых, являются не более чем умозрительной моделью социально-экономических отношений, нигде ранее не воплощавшейся в относительно чистом виде; во-вторых, они не могут быть однозначно противопоставлены традиционным институтам, так как те черты, которые были им присущи, обнаружались и в современных «рыночных» структурах, а потому о модернизации следует говорить не как об антитезе традиции, а, скорее, как о смещении акцента в представлении традиции как «универсального образования, охватывающего все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры» (Лурье 2004: 220). Посте-

пенно мы приходим к выводу о том, что традиция и инновация, традиции и современность в трансформации социальных систем взаимосвязаны и взаимообусловлены. И опыт аграрных преобразований в традиционно отсталых с точки зрения развития аграрного производства странах Азии: Китае, Индии, Вьетнаме и особенно Монголии – убедительно свидетельствует об этом. В этих странах достигнуты значительные успехи в использовании традиционных институтов не только для обеспечения легитимности аграрных инноваций, но и для развития на их основе институтов рыночной направленности.

Традиции и новации в трансформации сельских хозяйств на примере опыта аграрных реформ в странах Азии

Как известно, деколлективизация может осуществляться двумя способами: путем распада хозяйств на индивидуальные фермы или посредством трансформации в корпоративное предприятие с неколлективной формой организации и извлечением прибыли в качестве конечной цели (Емельянов 2001: 106). Если в странах ЦВЕ и России был сделан упор на индивидуальные хозяйства, которые, по замыслу реформаторов, должны были стать основным источником роста аграрного производства, то в Китае и Вьетнаме преимущественное развитие получили корпоративные предприятия, использующие арендные семейные отношения.

В Китае приватизация и переход на индивидуальные формы хозяйствования не получили широкой поддержки крестьян, что объясняется их «профессиональной и психологической неподготовленностью к рынку» (цит. по: Гордон 2003: 13). В ряде районов на базе сельских производственных объединений постепенно сформировались многофункциональные корпоративные предприятия, объединяющие различные местные промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Использование арендного и семейного подряда, ликвидация характерных для социалистического хозяйствования уравнительности распределения и обезличенности производства обеспечивают лучшую мотивацию труда и индивидуальную предприимчивость, эффективность производства. Примечательно, что эти сельскохозяйственные объединения осуществля-

ют те же самые установки на «индивидуальное преуспевание и подъем народного благосостояния» (цит. по: Гордон 2003: 24), провозглашенные партией и правительством Китая. Сохранение в объединении традиционных для сельской общины институтов социальной поддержки ее членов (пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, жилья, досуга) помогает усиливать «коммуналистскую солидарность» (цит. по: Гордон 2003: 33). В результате деятельности производственных объединений в провинциях Китая доля промышленной продукции в сельском хозяйстве удвоилась (с 31,6 % в 1986 г. до 66,6 % в 1993 г. [см.: Гордон 2003: 31]), что позволило обеспечить занятость 13,5 млн крестьян вне сельского хозяйства и предупредить миграцию сельского населения в города, которая для Китая особенно опасна. Развитие многофункциональных корпоративных предприятий привело к возникновению нескольких тысяч поселков сельско-городского типа, что «представляет перспективный путь контролируемой урбанизации» (цит. по: Гордон 2003: 36). По мнению многих исследователей, в Китае «возникла новая форма организации производства», прототип «производственного коммунизма», «work unit communalism», который соответствует уменьшению роли государства в экономике и социальной сфере и эволюции общественного строя страны от государственного социализма к рыночно-ориентированному коммуналистскому социализму (Гордон 2003: 38–39).

Особый интерес с точки зрения адаптации новаций к особенностям этнокультурной среды представляет опыт аграрных преобразований в Монголии, проведенных по рекомендациям Азиатского банка развития стран Юго-Восточной Азии. В основе его – сохранение инерции традиций хозяйствования, неразрывно связанного с особенностями культуры, социальной и природной среды этносов. Сбалансированное развитие всех элементов аграрного сектора Монголии – традиционного опыта хозяйствования, социальных качеств крестьян – аратов, особенностей их социальной и природной среды – обеспечило эффективность реформ и устойчивость аграрной номадной системы при переходе к рынку. Понятно, что внедрение новаций сопровождалось здесь рядом исключений из схемы организации рынка, принятой в развитых странах. В частно-

сти, в качестве одного из основных факторов устойчивости традиционного общества было сохранено традиционное семейное хозяйство и кочевой образ жизни, позволяющий контролировать огромную территорию страны. Кочевой образ жизни является одним из самых серьезных препятствий на пути внедрения современных технологий, рационализации хозяйственной деятельности, улучшения производственных и социальных условий жизнедеятельности крестьян. Между тем меры всесторонней поддержки аграрных преобразований в отрасли, с трудом поддающейся модернизации, дали свои результаты.

В ходе аграрных реформ были сняты все возможные ограничения на пути развития различных форм хозяйствования. Предоставленные крестьянам – аратам – права были не только гарантированы государством, но и подкреплены соответствующими кредитно-финансовыми, снабженческо-сбытовыми институтами и материально-техническими ресурсами. В разработке и реализации проектов в области сельского хозяйства приняли участие Япония, США, Дания, Голландия, Китай, а также международные организации – ПРООН, ФАО, Азиатский банк развития, Всемирный банк и другие (см.: Гайворонский 1999: 11). Так, Дания оказывала содействие в реорганизации пяти механизированных молочных ферм, ранее построенных с помощью Советского Союза, и ста фермерских хозяйств для обеспечения им условий для относительно «плавного» перехода к рыночным отношениям (Гайворонский 1999: 43). Совместно с Министерством торговли и промышленности Монголии США открыли специальный кредитный счет на 600 млн тугриков для создания малых и средних предприятий в сельской местности, кроме того, выделили 250 млн тугриков для приобретения современного оборудования для сельских больниц (см.: Гайворонский 1999: 54). В рамках 3-программного цикла сотрудничества с ФАО (1989–1994 гг.) были реализованы проекты по улучшению генетической структуры сельскохозяйственных животных и искусственному осеменению крупного рогатого скота. В рамках 4-программного цикла (1991–1995 гг.) осуществлялись проекты по производству установок для использования возобновляемых источников энергии в сельской ме-

стности, главным образом индивидуального пользования, по разработке технологии кормовых добавок для скота.

Как показывает опыт реформ в Монголии, сохранение устойчивости традиционного аграрного хозяйства на пути к рынку возможно только на основе постепенного встраивания рыночных механизмов в экономику традиционного общества: по мере удовлетворения потребностей крестьян в современных, облегчающих труд номадов, средствах труда и технологиях производства возникает спрос на новые, более рациональные для изменившихся условий, технологии и формы организации труда, что, в свою очередь, должно привести к дальнейшей специализации и диверсификации аграрного сектора, освоению рыночных новаций.

Альтернативное противопоставление существовавших ранее традиционных институтов хозяйствования и современных рыночных реформ оказалось ошибочным. При этом в России и в Польше, в отличие от Китая и других стран Азии, процесс перехода к более рациональным, как считалось с точки зрения классической экономической теории, формам социально-экономических отношений сопровождался слишком высокими трансформационными издержками, связанными с разрушением традиционных институтов и характерной для них мотивации крестьян. Стимулы, заложенные ранее в уже сложившихся в течение веков аграрных структурах, в период их трансформации обусловили выбор более адаптированных к данным социально-экономическим параметрам структур, форм социальных практик, что и определило в конечном счете, как показывает 15-летний опыт, ход и результативность аграрных реформ в странах переходной экономики.

Оценка перспектив развития сельских хозяйств России и Польши в условиях переходного периода

Несмотря на различия в стартовых условиях, внедрившихся элементах и скорости реформ, в России, как и в Польше, переход на более эффективные, как считалось, формы хозяйствования привел к общим для этих стран проблемам: ухудшению мотивации сельских хозяйств и условий их жизнедеятельности, высокой безработице населения села, что в конечном счете вызвало эффект

блокировки реформ. В течение 15-летнего переходного периода у большинства крестьян этих стран так и не сформировались стимулы к внедрению рыночных новаций в силу отсутствия традиций и необходимых практик для их освоения.

В настоящее время в Польше происходит постепенная адаптация внедряемой инфраструктуры рынка к сложившимся в переходный период патриархальным практикам семейных хозяйств. По мнению польских экономистов – сторонников дальнейшего форсирования рынка, создание приближенной к потребителям сети оптовых рынков и бирж делает возможным постепенную переориентацию мелкотоварного частного производства на нужды потребления и экспорта. Дальнейшее развитие рыночной инфраструктуры приведет к снижению производственных и транзакционных издержек и повышению эффективности деятельности крестьянских хозяйств, что, в свою очередь, вызовет развитие более рациональных практик кооперации и интеграции производителей с поставщиками сырья, материалов и оборудования, что впоследствии, возможно, будет стимулировать дальнейшую специализацию и диверсификацию сельского хозяйства, постепенное формирование рынка земли и инвестиций.

С этой точки зрения создание в сельских поселениях рабочих мест вне сельского хозяйства для трудоустройства высвобождаемой части населения и смягчения проблем безработицы может стать как для Польши, так и для России основной предпосылкой модернизации и диверсификации сельских хозяйств. Однако строительство дорог, перерабатывающих предприятий, развитие местной промышленности, оптовых рынков и бирж, лизинговых, ипотечных структур, развитие экспорта, местного и международного туризма станут возможными только после формирования в этих странах эффективного сельского хозяйства и полноценной инфраструктуры аграрного рынка, что для Польши и особенно для России в обозримой перспективе, на наш взгляд, представляется маловероятным.

В условиях неопределенности рынка стратегии польских семейных хозяйств, как уже отмечалось, больше нацелены на выживание, обеспечение занятости членов семьи, а не на максимизацию

прибыли и расширенное воспроизводство. К тому же традиционный консерватизм польских крестьян, недостаточная квалификация и знание рынка могут послужить сдерживающим фактором на пути перехода к расширенному товарному воспроизводству.

Сопоставление опыта реформ в России и Польше помогает, на наш взгляд, делать более обоснованные гипотезы о возможных направлениях трансформации аграрных реформ в этих странах. Оценивая перспективы развития в России различных форм сельских хозяйств, ряд исследователей полагают, что в будущем высокоразвитые личные подсобные хозяйства (ЛПХ) могут стать прообразом современного фермерства и основным источником роста аграрного производства. По мнению многих ученых и практиков, «высокая жизнеспособность ЛПХ в условиях аграрного кризиса свидетельствует о значительном потенциале этой формы хозяйствования» (см.: Коробейников 2000: 21). И в поддержку этого мнения свидетельствуют высокие темпы роста ЛПХ за последнее десятилетие. Так, если на начальном этапе аграрных реформ доля личных подсобных хозяйств в общем объеме производства основных видов сельскохозяйственной продукции России составляла 34 %, то в 1996 г. она выросла до 46 %, а в 2000 г. уже достигла 54 % (Российский... 2001: 396). Региональные органы власти попытались подвести законодательную основу под формирование взаимоотношений колхозов и ЛПХ, учитывая их высокую отдачу. В частности, в Республике Бурятия Советом по аграрной реформе при Президенте Республики Бурятия, в составе которого была автор работы, был инициирован ряд законов и подзаконных актов, гарантирующих меры поддержки ЛПХ колхозами и местными властями. Результаты мониторинга действия этих законодательных актов свидетельствуют о том, что эффект от их внедрения был не таким значительным, как ожидалось. Это подтверждается и данными опросов в ряде регионов страны: более половины опрошенных сельских семей считают трансформацию своих хозяйств в ЛПХ невозможной, поскольку, по их мнению, ЛПХ не могут существовать без помощи коллективных хозяйств (Калугина 2003: 208). При высоких рисках самостоятельного хозяйствования владельцы ЛПХ, несмотря на впечатляющий их рост, не стремятся к выходу из колхоза и пред-

принимательству. Несмотря на различные внешние условия, это хорошо коррелирует с оценкой, сделанной нами, перспектив развития раздробленных семейных хозяйств в Польше.

В то же время некоторые исследователи считают, что колхозы при активном взаимодействии с ЛПХ могут перерасти в современные кооперативы с развитыми каналами маркетинга, информационного обмена, обеспечивающие необходимые ресурсы для развития ЛПХ в условиях рынка. На наш взгляд, это возможно только при одновременном перерастании высокоразвитых ЛПХ в фермерские хозяйства, что, как было установлено, не предвидится в обозримой перспективе. Механизм обеспечения взаимной стабильности колхозов и ЛПХ, воспроизведенный в новых условиях, привел к возникновению на аграрном рынке ниш, свободных от конкурентных отношений. В результате механизм конкуренции, который должен был стимулировать как колхозы, так и ЛПХ к освоению своих ниш на рынке аграрной продукции, так и не был задействован. Это блокировало в данных формах хозяйствования развитие более эффективных технологий и дальнейшее внедрение новаций, в частности внедрение института частной собственности на землю, развитие рыночных, инвестиционных, маркетинговых структур. В результате на селе сформировался устойчивый в переходный период, хотя и «необязательно эффективный», по выражению Д. Норта, механизм хозяйствования.

В 2002 г. в России был принят новый Земельный кодекс, который, как считают многие экономисты и политики, должен стать катализатором дальнейших рыночных преобразований. По данным социологического опроса, проведенного в Республике Бурятия, результаты которого коррелируют с аналогичными опросами в других регионах страны, доля крестьян, желающих взять землю в собственность для самостоятельного хозяйствования, составила в 2002 г. всего 6 %, что свидетельствует об отсутствии спроса со стороны крестьян на земельные ресурсы. Как показал опыт приватизации земли в Польше, вряд ли следовало ожидать эффективного действия этого Закона в условиях отсутствия стимулов к дальнейшему продвижению рынка и ограниченности спроса на землю как у польских, так и у российских крестьян.

Как уже показал опыт 15-летних реформ, отсутствие традиций и практик частного ведения хозяйства, дезориентации крестьян, вызванные шоковой терапией, в рынке приведут к тому, что возможностями приобретения земли в частную собственность, предоставленными Законом, воспользуются не крестьяне, а наиболее информированные и подготовленные к условиям деятельности на модифицированном рынке крупные предприниматели и выходцы из властных структур, которые воспользуются созданными для них преимуществами для упрочения своего положения на рынке. О правильности этого тезиса уже свидетельствует практика распродажи земельных участков в ряде областей России. В России, как и в странах Латинской Америки и ЦВЕ, в результате произведенных по опыту стран Запада стремительных рыночных новаций, по известному выражению Де Сото, сформировался так называемый «стеклянный колпак Броделя», где различные социальные группы оказались оттесненными от процесса реформ.

Заключение

Результаты анализа опыта аграрных реформ в ряде стран переходной экономики весьма показательны для оценки перспектив развития различных форм организаций и институтов аграрного сектора и выработки направлений дальнейшего форсирования рынка, прогнозов возможных траекторий и скорости аграрных реформ не только в этих странах, но и в других странах переходной экономики. Альтернативное противопоставление существовавших ранее традиционных институтов хозяйствования и современных рыночных реформ оказалось ошибочным. При этом процесс перехода к более рациональным, как считалось с точки зрения классической экономической теории, формам социально-экономических отношений в России и в Польше, как показали результаты анализа, сопровождался слишком высокими трансформационными издержками, в отличие от Китая и других стран Азии, сохранивших инерцию хозяйственного развития на пути к рынку. Стимулы, заложенные ранее в уже сложившихся в течение веков аграрных структурах, в период их трансформации обусловили выбор более адаптированных к данным социально-экономическим структурам форм социальных практик, что и определило в конечном счете, как показыва-

ет 15-летний опыт, ход и результативность реформ в странах переходной экономики.

В основе трансформации аграрных сообществ, к каким относится и Россия, на пути к рынку, на наш взгляд, должна лежать адаптационная стратегия, основанная на сохранении инерции существовавших ранее типов хозяйственных систем. Резкое внедрение институтов рынка и новых форм организации труда в России без вложений в технологии, в отсутствие организационных, материальных, финансовых ресурсов для поддержки хозяйственных инициатив сельчан привело к противоположному результату – возврату к патриархальным методам хозяйствования, еще большему закрепощению и закабалению крестьян. Результатом явился тотальный аграрный кризис и развал социальной сферы села.

Литература

Ахиезер, А. С. 1999. Хозяйственно-экономические реформы в России. Как приблизиться к пониманию их природы. *Pro et contra. Лето*.

Гайворонский, С. К. 1999. *Развитие аратских хозяйств в Монголии*. М.: Ин-т востоковедения АН.

Гордон, А. В. (ред.) 2003. *Китайская деревня: рубеж тысячелетий*. М.: ИНИОН.

Де Сото, Э. 2001. *Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире*. М.: Олимп – Бизнес.

Емельянов, А. 2001. Регулируемый рыночный оборот земли и частная собственность на землю. *Вопросы экономики* 8: 80–91.

Заславская, Т. И. 2003. Посткоммунистические трансформации. *Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск.

Калугина, З. И.

1999. Становление субъектов хозяйствования в реформируемом аграрном секторе России. *Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск.

2003. Сельское предпринимательство в современной России. *Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск.

Кирдина, С. Г. 2001. *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск.

- Коробейников, М. А.** 2000. Земля и воля: вопросы реформирования в АПК. *АПК: экономика и управление* 4: 22–27.
- Лурье, С. В.** 2004. *Историческая этнология: учебное пособие для вузов*. М.: Академический проект; Гаудеамус.
- Моритани, М.** 1986. *Современная технология и экономическое развитие Японии*. М.
- Новак, П.** 1995. Современная структура деятельности в крестьянской семье в Польше. В: Шнайдер, Н. (ред.), *Модели и реальности семьи в изменении*. Bamberg University.
- Норт, Д.** 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.
- Петриков, А. В.** 1998. Где искать выход из кризиса? *АПК: экономика, управление* 1.
- Российский** статистический ежегодник. М., 2001.
- Серова, Е. В.** 1999. *Аграрная экономика*. М.: ГУ ВШЭ.
- Тягостный** опыт еще раз: польский крестьянин перед лицом неопределенного будущего. В: Гранберг, Л., Ковач, И. (ред.), *Акторы изменяющейся европейской окраины*. Будапешт, 1998.
- Холодков, А. К.** 1995. Общинные традиции России. *Финансы* 6: 69–84.
- Штомпка, П.** 1996. *Социология социальных изменений*. М.
- Эггертссон, Т.** 2001. *Экономическое поведение и институты*. М.
- Czaki, S., Nash, I.** 1997. *The Agrarian Economies of CEECs and the CIS: Situation and Perspectives*. Washington: World Bank.
- GUS** 1994: 141.
- GUS** 1995: 16.
- OECD** 1995.
- Polanyi, K.** 1944. *The Great Transformation*. Toronto.